

— Не бывать тому,—прокаркал ворон.— Не народятся на земле такие люди.

— Ан будет!

— Не бывать!

— Если правда твоя, ворон, возмёшь мои камушки себе, если моя правда—отдашь их людям,—завещал ворону Иван-Смышлён.

Сто лет с тех пор прожил ворон. Да всё не дома. В чужих краях летал. А когда вернулся на Урал, про свой уговор с Иваном вспомнил. Достал камушки чудесные из потайной щели в горе высокой.

Тут как раз увидел старый ворон человека. От голода и усталости он с ног валился. А у самого за спиной мешок тяжёлый. Ворон и спрашивает:

—Что несёшь?

—Руду нашёл железную.

—Кому несёшь сокровище?

—Всем от мала до велика,—ответил человек.

Подивился ворон, да делать нечего. Отдал он ему камушек, в который гору насквозь видно было, и в небо взмыл.

Обрадовался человек чудесному камушку. Пошёл бодро, куда и усталость девалась.

Летел ворон над морем, видит: пароход плывёт, а впереди скалы подводные. Заглянул ворон капитану в глаза и спрашивает:

—Куда плывёшь?

—В дальние страны. С товарами.

—А прибыль кому?

—Всем от мала до велика,—ответил моряк.

Подивился ворон, да делать нечего. Отдал он ему камушек, в который море насквозь видно, и в небо взмыл.

Обрадовался капитан чудесному камушку. Смело мимо подводных скал пароход повёл.

А летел ворон над заставой пограничной, увидел солдата с винтовкой. Звезда на каске.

Покружил над ним ворон и спрашивает:

—Чего, солдат, стоишь? Кому служишь?

—Народу служу. Всем от мала до велика.

«Видно, и впрямь люди другие народились»,—подумал ворон. И отдал солдату третий камушек. Тот, в который и днём, и ночью, и в непогоду за тридевять земель видно. А сам в небо взмыл.

Обрадовался солдат. Служба легче стала.

С тех пор у людей такие чудесные камушки повелись. А всё оттого, что правда Ивана-Смышлёна была, а не чёрного ворона.

ДОБРАЯ КАТЯ

А краю леса в маленькой избушке жили старик со старушкой. Были у них: старый-престарый пёс Полкан, ленивый-преленивый кот Мурлыка, драчливый-предрачливый Петя-петушок, бодливый-пребодливый козёл Борька и грязный-прегрязный поросёнок Зюнька.

И вот однажды к старику и старушке приехала из города их внучка Катя. Погостить.

Обрадовались старик со старушкой. Посадили Катю с собой рядом, стали угощать. И пирогами, и блинами.

Пёс Полкан на неё с порога глядит, кот Мурлыка из-под стола щурится, Петя-петушок в одно окошко, козёл Борька в другое заглядывают. А поросёнка Зюньку не пустили. Он грязный.

Потом дедушка на печку залез, подремать. Бабушка села варежки вязать. А Катя во двор выбежала.

Хотела она с Полканом побегать. Старый он. Только кряхтит да чешется. Хотела с Мурлыкой поиграть. Ленивый. Только мурлычет да щурится. С козлом Борькой страшно играть. Бодается. С Петей-петушком—боязно. Дерётся. А с Зюнькой не хочется. Грязный он.

Села Катя на завалинку, а бабушка вышла и говорит ей:

— Погуляй-ка ты, внучка, на воле. Там сейчас хорошо-весело. Сорвёшь ягодку—в роток, грибок—в кузовок, цветок увидишь—залюбуешься, а птица запоёт—заслушаешься.

Так она и сделала. Взяла кузовок и в лес отправилась. Далеко ушла. А на воле и впрямь хорошо-весело.

Сорвала Катя чернику—в роток, нашла груздок—в кузовок, увидела ромашку белую—залюбовалась, иволга засвистала—Катя заслушалась.

Вдруг, откуда ни возьмись, заяц. Сел зайка на задние лапки и говорит:

— Девочка, а девочка! У меня лапка болит.

— А что с ней?

— Через кочки прыгал, вывихнул.

Принялась Катя зайке лапку вывихнутую вправлять. Потянет, дёрнет да потрёт, дёрнет да потянет. От боли зайка ушки к спине прижал, а терпит.

Вправила Катя зайке лапку на место, сразу ему полегчало. Хотел он снова запрыгать, но Катя отвязала от своей косички ленту да и перевязала лапку туго-натуго. И наказала косому строго-настрого: не прыгать, не бегать и пешком не ходить, пока совсем не выздоровеет.

—Спасибо,—сказал зайчишка и захромал домой.

Пошла Катя дальше. Хорошо-весело на воле. На полянке сорвала землянику—в роток, нашла маслёнок—в кузовок, увидела гвоздичку красную—залюбовалась, птичка-чечевица зачучевикала—Катя заслушалась.

Вдруг, откуда ни возьмись, медведь. Трёт медведь лапой нос, а у самого из глаз слёзы капаят.

—Девочка, а девочка! Помоги мне,—жалобно заревел медведь.

—А что с тобой?—спросила Катя.

—Меня пчёлы ужалили. Да всё в нос. На нём шерсти-то не-ет.

—За что они тебя?

—Мёд воровал. Больше не бу-уду.

Выдернула Катя из медвежьего носа пчелиные жальца, он и заворчал довольнёшенек.

—Спасибо тебе, девочка,—прорычал медведь и в чашу полез, только сучья затрещали.

Пошла Катя дальше. Хорошо-весело на воле. На просеке сорвала малину—в роток, опёнок нашла—в кузовок, колокольчик увидела синенький—залюбовалась, овсянка серебряным голоском прозвенела—Катя заслушалась.

Вдруг, откуда ни возьмись, уж большущий. Свернулся он кольцом и лежит на гропинке.

— Девочка, а девочка! Помоги! Я — уж Жёлтые Отметины.

— А что с тобой, уж Жёлтые Отметины, случилось?

— Нашли меня мальчишки, отметин жёлтых не увидели, за ядовитую змею приняли, и ну камнями швырять. Насилу уш-шёл.

Принесла Катя из ручейка воды. Ссадины ужю промыла чисто-начисто. Нарвала травы-спорыша и к больным местам приложила. Потом ленту с другой косы сняла и ужа Жёлтые Отметины перевязала.

— Хорошо, девочка, — прошептал уж и в траву уполз. Ни травинки над ним не шелохнулось.

Пошла Катя дальше. Хорошо-весело на воле. В прохладном овражке сорвала смородину — в роток, нашла сыроежку — в кузовок, незабудку голубую увидала — залюбовалась, славка серая запела — Катя заслушалась.

Вдруг, откуда ни возьмись, прямо перед ней синица на ветке. Кричит синица на Катю, крылышками на неё замахивается:

— Не подходи, девочка. Не тронь его!

Удивилась Катя: «Чего синичка боится? За кого заступает?» Видит: под деревом в траве птенчик желторотый прыгает. Крылышками без толку машет, а взлететь не может. Взяла его Катя в ладошки, на пенёк взобралась и птенчика в гнездо положила.

— Спасибо, девочка, — сказала синичка и в гнездо села, счастливая. Потом говорит Кате:

— Ты добрая.

Пошла Катя дальше. Хорошо-весело на воле. На опушке лесной сорвала бруснику—в роток, рыжик нашла—в кузовок, гвоздику красную увидала—залибовалась, кукушка закуковала—Катя заслушалась.

Вдруг увидала Катя под берёзой родник. И сразу ей пить захотелось. Вкусна, холодна ключевая водица. Небо в ней синее с белым облаком видно. И Катино лицо видно. Улыбнулась Катя своему отражению. Оно ей в ответ улыбнулось. Как в зеркале.

Посидела Катя у родника под берёзой, отдохнула и домой отправилась. К бабушке с дедушкой.

Шла, шла Катя и встала. Опять пошла и опять встала. Назад вернулась. Вокруг себя обернулась. Заплакала. Забыла, в какую сторону идти.

И тут слышит—синица с ветки её зовёт:

—Девочка, девочка! Давай я тебя к моему соседу отведу. Он тебя дальше проводит.

Прыгает синичка с ветки на ветку—дорогу показывает, а Катя за ней идёт. Вот синичка присвистнула, кого-то по-манила. Выполз из-под дерева уж Жёлтые Отметены.

—Хорош-шо,—прошептал уж,—провожу к соседуш-шке, а он дальше дорожку укажет.

Ползёт уж Жёлтые Отметины, извивается, а за ним Катя идёт.

Увидали они: на полянке медведь сидит, дремлет.

—Ми-ша, про-шу,—прошипел уж,—укажи дорожку к соседушке.

—А-а-а, ладно,—зевнул медведь. —Ступай, девочка, за мной.

Ломится медведь через чащу, только сучья трещат. А за ним Катя следом бежит. Долго. Вот заглянул медведь под куст, да как рявкнет:

— Чего, косой, испугался? Проводи-ка девочку к твоему соседу. Живо!

Выскочил заяц из-под куста. Ушками прыдёт, с ноги на ногу скачет.

— Я готов! Беги за мной, девочка!

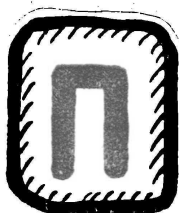
Заяц скачет, а Катя следом за ним бегом. Поспевает.

Вдруг видит: дедушкина избушка на краю леса стоит. Вбежала Катя в избушку и крикнула:

— А вот и я!

Дедушка обрадовался. Бабушка обрадовалась. Пёс Полкан на Катю с порога глядит. Кот Мурлыка из-под стула щурится. Петя-петушок в одно окошко, козёл Борька в другое— заглядывают. И поросёнок Зюнька в щёлочку смотрит. Все радуются, что Катя домой пришла. На воле не заблудилась.

ОДЕВАЙКА-РАЗДЕВАЙКА И ПАВЛИК

ПАВЛИК не умел сам одеваться. И раздеваться не умел. Его бабушка одевала, бабушка раздевала. И умывала его тоже бабушка. И всякий раз она ему говорила:

—Когда же ты научишься? Ведь ты большой. В детский сад ходишь.

— Нет, я ещё маленький.

Так он говорил нарочно, потому что ленился.

Однажды Павлик лежал утром в постели и ждал, когда бабушка его оденет. А она на кухне была, сковородками гремела. Вдруг из стены, из-за коврика, выскочил человек. Ни большой ни маленький. С папин сапог.

У человека лицо было умытое. Глаза весёлые. Курточка на все пуговицы застёгнута и штанишки выглажены.

— Здравствуй!— сказал человек.

— Здравствуй... Ты кто?— удивился Павлик.

— Я—Одевайка-Раздевайка. Хочешь—буду тебе служить? Только никому про это не говори.

— Служи, служи,— обрадовался Павлик. —Я никому не скажу.

Одевайка-Раздевайка мигом надел Павлику чулки, потом штанишки, потом рубашку, ботинки надел, шнурки завязал как надо и говорит:

— Только про меня вспомнишь—я прибегу.

И опять за коврик в стенку спрятался. Павлик и спасибо ему сказать не успел.

Побежал Павлик к бабушке. Увидала бабушка Павлика— ахнула от удивления:

—Ах! Молодец какой! Сам оделся! Вот так внучек! Вот так Павлик!

—Теперь умой меня,—попросил Павлик.

—Нет,—сказала бабушка и покачала головой.—Если одеться сумел, так и умыться сумеешь. Я лучше пойду всем расскажу, какой ты у нас умница стал. —И вышла из кухни.

«Неохота умываться,—подумал Павлик.—Да и не умею. Вот если бы Одевайка-Раздевайка...»